

«ЛИШНИЕ ЛЮДИ»: РОТАЦИЯ СОСТАВА ГОСУДАРЕВА ДВОРА В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В КОНЦЕ XV – СЕРЕДИНЕ XVI в.

Проблематика Государева двора, привилегированного объединения служилых людей, прочно вошла в обиход современной исторической науки [Павлов; Станиславский; Корзинин]. Члены Государева двора играли важную роль в сложившейся системе управления, выдвигая из своих рядов большую часть действующих лиц государственного аппарата. Выступая в качестве личной гвардии великого князя, неоднократно привлекаясь к участию в важнейших военных походах, двор должен был обеспечивать свою высокую боеспособность. Очевидно, что вопросы комплектации и эффективности службы Государева двора имели приоритетное значение, а взаимоотношения между великокняжеской (царской) властью и широким кругом приближенных к ней лиц во многом определяли векторы развития внешней и внутренней политики. В долговременной перспективе решить эту задачу можно было только за счет ротации, притока новых лиц и фамилий.

Этот процесс был вполне естественным и с различной интенсивностью происходил на протяжении всей истории Государева двора, хотя сама по себе проблема ротации не всегда находила должное признание в историографии. С. Б. Веселовский отмечал генеалогическую устойчивость состава двора и ограниченное количество родов и фамилий, представители которых занимали места в его высших чинах, хотя и признавал появление среди них выдвинутцев типа Ф. В. Басенкова или А. Ф. Адашева [Веселовский, 1963, с. 127, 132]. А. Л. Корзинин считал, что к середине XVI в. эта корпорация превратилась в «замкнутый институт, доступ в который был ограничен многочисленными служебными, генеалогическим «перегородками», чистотой крови и честностью службы» [Корзинин, с. 194]. Близких позиций придерживался и автор этих строк [Бенцианов, 2000, с. 107, 283–284]¹.

Хорошо знакомое историкам «захудание» отдельных лиц и фамилий постоянно упоминалось в местнической практике, когда более преуспевшие родственники старались отмежеваться от своих менее преуспевших по службе однофамильцев. Этот естественный процесс прослеживается начиная с удельного времени, не вызывая какого-либо противодействия со стороны великокняжеской власти, игравшей в нем роль молчаливого наблюдателя. Хрестоматийной можно назвать историю о «захудании» переславских вотчинников первой половины XV в. Ворониных, которые в течение двух поколений опустились на дно социальной иерархии.

Источники конца того же века дают большое число примеров частной службы «служилых землевладельцев». В завещании князя И. Ю. Патрикеева некоторые из его «людей» отпускались на волю вместе с «землей». Часть из них явно имела родственников среди современных им детей боярских². Тот же вывод применим к «людям» братьев И. и В. Б. Тучко Морозовым³. Среди послужильцев И. И. Салтыка Травина находился выходец из княжеского рода Г. Ф. Белосельский, а А. К. Шеремету Беззубцеву служили братья Жуковы Нелединские, выходцы из фамилии, позднее причисляемой к числу дворовых⁴.

В ряде случаев, связанных с откровенной «крамолой», представители боярских семей принудительно лишались привилегированного статуса. Договор между сыновьями Ивана Калиты включал в себя пункт о судьбе попавшего в опалу Алексея Хвоста: «А что Олексе Петрович шел в коромолу к великому князю, нам, князю Ивану и князю Андрею, к себе его не приимати,

¹ Про замкнутость Государева двора, правда, применительно к концу XVI столетия писал также А. П. Павлов [Павлов, с. 130–131].

² Шамшовы, Палицыны, Ачкасовы, Козодавлевы, Родичевы.

³ Тырковы, Овцыны, Печенеговы, Редровы, Хомутовы.

⁴ Дела Тайного приказа // РИБ. СПб., 1908. Т. 22. Стб. 26–27.

ни его дети... А тебе... к себе его не примати же в бояре»⁵. Вытеснены из боярской среды были, видимо, потомки казненного Дмитрием Донским Ивана Васильевича Вельяминова, а также «героев» Феодалной войны И. Д. Всеволожа и Н. К. Добрынского. Эти меры имели точечный характер, ограничиваясь отдельными лицами из окружения великого князя. Примеры возвышения незнатных по позднейшим меркам лиц также происходили на протяжении первой половины XV в. (Ф. В. Басенок, И. Д. Руно) [Веселовский, 1969, с. 308–313, 346–347; Бенцианов, 2016, с. 36–38].

С созданием системы обязательной службы и привлечением к ней землевладельцев из разных частей государства изменилась роль центрального правительства. Увеличение значения Государева двора вело к разрастанию его численности и повышенным требованиям к качеству его состава. Далеко не все служилые люди по тем или иным причинам могли отвечать этим требованиям, что вызывало необходимость проведения периодических чисток личного состава. Процедура подобного отбора была описана в 1463 г., когда наместник князь И. В. Стрига Оболенский (по летописи Иоанн Агафонович Сущей) оценивал служебную годность ярославских землевладельцев: «а кто будет сам добр, боарин или сын боярской, ин его самого записал»⁶.

Наследственный характер службы приводил к тому, что тем самым создавался необходимый прецедент — потомки отобранных лиц включались в орбиту Государева двора, в то время как сыновья и внуки остальных должны были нести службу с «городом». Сопоставление родословных росписей и актовых материалов показывает, что уже в конце XV в. «отбраковке» подверглось значительное число фамилий.

Для анализа масштабов ротации личного состава Государева двора большое значение имеет определение принадлежности того или иного лица к этой привилегированной корпорации. Вплоть до середины XVI в. при отсутствии сколько-нибудь полных списков этот вопрос решается каждым отдельным исследователем исходя из его собственного понимания критериев отбора. Из-за размытости маркерных признаков далеко не всегда предпринимаемые попытки реконструкции являются удачными.

В полном виде списки дворовых детей боярских «Московские земли» дошли до нашего времени в составе Дворовой тетради 50-х годов XVI в. (далее — ДТ). ДТ выступает в качестве основного, а для большинства уездов исчерпывающего источника по определению принадлежности тех или иных лиц и их ближайших родственников к категории дворовых детей боярских. Сложный составной характер этого источника, наличие в нем большого числа архаизмов позволяют использовать его для реконструкции процесса эволюции Государева двора на протяжении первой половины XVI в. [Зимин, с. 28–41; Флоря, 1974, с. 43–57; Павлов, с. 87–90; Корзинин, с. 121–162].

Исследователями были отмечены некоторые лакуны этого источника [Флоря, 1974, с. 53–54, 57]. Выпущенными в тексте ДТ оказались, в частности, удельные Верея и Алексин, Нижний Новгород, Смоленск, Невель, Рославль, Брянск, Серпейск, Северские города, Вологда, Мещера, а также северо-западные уезды страны. На Северо-Западе (Великий Новгород, Псков, Торопец, Великие Луки, Пустая Ржева) учет дворовых детей боярских велся отдельно, в то время как в составе других уездных корпораций категория дворовых, видимо, в рассматриваемое время еще не сложилась. Переведенные туда представители «честных» фамилий переставали учитываться в дворовых списках. Среди смоленских помещиков, например, в 1550-е годы находились вероятные братья боровских дворовых Алексей и Василий Михайловы Битяговские⁷.

⁵ ДДГ. № 2. С. 13.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 157. См. также: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). М., 1997. Т. 1. № 312. С. 302–303, 340–341.

⁷ Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1887. Т. 59. С. 362, 364, 563; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. (далее — ТКДТ). М.; Л., 1950. С. 175.

Отрывок списка раздачи жалования 1556/1557 г. называет также троих братьев князей Потуловых Волконских, которые, скорее всего, несли государеву службу по Алексину [Волконская, с. 17]⁸.

В самой ДТ присутствует ряд дефектных мест. От рубрики князей Стародубских сохранилась только нижняя часть. Сопоставление с Тысячной книгой показывает, что не сохранилась здесь и рубрика «из Стародуба ж» (помещики стародубские). Ее единственный представитель Григорий Нечаев Карамышев в 1550-е годы определенно продолжал службу. В 1554 г. он был городничим в Казани. Вполне вероятно, что по Стародубу служил также Матвей Прокофьев Апраксин, неоднократно выполнявший ответственные поручения центрального правительства. В Тысячной книге он, видимо, фигурировал по Мурому как Матюшка Прокофьев. Его сыновья были стародубскими помещиками⁹. Неполна также рубрика князей Ростовских [Скрынников, с. 78].

Стоит учитывать существующие расхождения между списками ДТ, нередко варьирующие написание отдельных имен и фамилий. Принимая во внимание сложный составной характер этого источника и его активное использование в делопроизводстве, не исключено, что некоторые лица, служившие по дворовым спискам, были пропущены или вычеркнуты его составителями.

Не стоит забывать также о существовании в середине века нескольких отдельных дворов. Служилые люди Владимира Старицкого не были по понятной причине учтены в ДТ. Отсутствовали здесь также дети боярские, начавшие свою службу у Симеона Касаевича. Собственные дворы были у митрополита и епископов¹⁰.

В ряде случаев имели место физическая неспособность к несению службы или выбор монашеской стези, хотя освобожденные подобным образом лица продолжали встречаться в поземельных актах.

Все это заставляет относиться с известной осторожностью к фактам упоминания в различных источниках однофамильцев и близких родственников дворовых детей боярских. Далеко не всегда их отсутствие в ДТ было обусловлено понижением их статуса и переводом в разряд «городовых».

Датировка ДТ была предложена А. А. Зиминим, который считал, что этот источник был составлен в 1551/1552 г., а затем дополнялся на протяжении 1550-х годов [Зимин, с. 41]. К. В. Баранов относил создание «второй редакции» ДТ к 1552/1553 г. [Баранов, с. 164–166], а А. А. Корзинин, привлекая данные «Синодика убиенных во брани», полагал, что создание окончательной редакции ДТ относилось к промежутку времени между маем 1553 и июнем 1554 г., предшествовавшие пометы, датированные августом 1552 г., рассматриваются им как черновые [Корзинин, с. 150–151]. Не исключено, что некоторые рубрики ДТ были составлены в разное время. Последняя помета в ней датирована 1560 г. Соответственно, при сопоставлении ДТ и других современных ей источников различного происхождения необходимо использовать сведения, относящиеся к указанному или максимально приближенному к нему временному интервалу.

Анализ ДТ дает возможность определить «обратную сторону медали» — степень проникновения в состав Государева двора выходцев из городовых детей боярских. Городовой статус прямо был обозначен в комплексе десятен, из которых в полном виде от середины века сохранилась только каширская десятня 1556 г.

Середина века стала временем массового привлечения городовых детей боярских к выполнению поручений общегосударственного значения. Уже Тысячная книга за пределами северо-

---

⁸ АСЗ. Т. 1. № 43. С. 39–40.

⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 144; АСЗ. М., 2008. Т. 4. № 10. С. 11; № 12. С. 12; ТКДТ. С. 63, 71.

¹⁰ С митрополичьей службой связаны были Перепечины. В ДТ по Суздалью упоминается Ф. Б. Перепечин. Его брат Юрий в 1534 г. погиб под Стародубом вместе с другими митрополичьими дворянами [Веселовский, 1947, с. 423, 428].

западных уездов, где запись городских в число тысячников имела широкое распространение, дает подобные примеры для городов «Московские земли». В ДТ отсутствовали родственники Д. Ф. Пестова, одного из каширских тысячников. Все Пестовы в десятне 1556 г. служили «с городом». Не был представлен здесь также стрелецкий голова Н. В. Елсуфьев, хорошо известный источникам 1550–1560-х годов. Выходцами из городских были, скорее всего, П. Д. Болкунов, В. Фуников Прончищев, Курбат Очкасов, Незамай Потребинский¹¹. В отрывке списка государева полка 1556/1557 г. также фигурировали неизвестные ДТ лица: Борис и Отай Шастинские, И. Н. Пушин, С. Г. Шепенков, М. Шаблыкин Кормилицын, С. С. Извольский, Тучко Радцов, Лобан Гостев Голчин, Тулуп Лаптев, Русин Доронин Кочуров, Мамай Хлыстов, Сеит Истомин Сухотин, С. Булгаков Киреев¹².

Разрядные книги середины века содержат упоминания о службах целой группы лиц, которые явно были выходцами из городских детей боярских. Уже названный И. И. Алексеев Уваров в 1559 г. был головой в полках. Среди городских каширской десяти 1556 г. были отмечены в разрядах родственники Д. И. Фустова, Ф. Ф. Хотяинцова и Ю. А. Кропотова, а также, вероятно, Р. М. Хвоцинского¹³.

Выдвижение новых лиц и фамилий привело к трансформации состава дворовых. Алфавитный перечень каширской десяти 1570 г. упоминает в соответствующем разделе следующие фамилии: Зяблов, Янов-Лодыженский, Оборин, Григорьевы-Хотяинцовы, Янов, Извольские, Бирев, Лодыженские. Все представители этих фамилий в десятне 1556 г. числились среди городских детей боярских¹⁴.

В более полном виде этот процесс получил отражение в коломенской десятне 1577 г. Число дворовых в это время пополнил ряд отсутствовавших в ДТ фамилий: четверо Норовых, трое Хотунских, двое Пестовых и Похвисневых, а также А. Тучков Ратцов, Б. И. Кучин, Н. И. Бобынин. Наличие среди них родных братьев косвенно свидетельствует о том, что дворовый статус принадлежал уже их отцам, то есть стал достоянием этих семей еще в предыдущем поколении¹⁵.

В мещовской десятне 1578 г. дворовым был назван Иван Алексеев Комынин. Позднее в 1584 г. по Мезецку (Мещовску) среди дворовых находились Лабодинские, те же Комынины и И. В. Матов¹⁶.

Часть прежних дворовых, с другой стороны, потеряла свой статус. Коломенская десятня 1577 г. показывает, что близкие родственники могли иметь разный статус. Среди дворовых находился Р. В. Яцкий, а его племянник Бажен Васильев был отмечен уже среди городских¹⁷. Аналогичная ситуация была в мезецкой корпорации. Десятня 1584 г. называет среди городских А. Л. Брянцова, служившего в 1550-е годы здесь же в качестве дворового сына боярского, а также потомков дворовых, переведенных в Мезецк в последующие десятилетия, — И. и Г. М. Михалчуковых, Е. М. Ергольского и И. В. Беклемишева¹⁸. Каширская десятня 1599 г.

¹¹ ТКДТ. С. 68, 72, 74, 46; Каширская десятня 1556 г. (далее — КД) // «Heraldica»: Ист. сб. СПб., 1900. Т. 1. Отд. 4. С. 42.

¹² Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий (далее — РД). М., 2004. Вып. 10. С. 88, 90, 93, 95, 100, 104, 105, 107, 113, 116, 117. Их не было также в Тысячной книге, что свидетельствует об обновлении круга составлявших окружение царя и великого князя.

¹³ КД. С. 30, 42, 121; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1978. Т. 1. Ч. 4. С. 72, 73, 186, 188.

¹⁴ Кротов Я. Десятни 1556–1622 гг. Десятня 1570 г. по Кашире. URL: http://www.krotov.info/yakov/5_russia_moi/17_ru_moi/desyatni/1570kash.html (дата обращения: 20.12.2016). Двое Зябловых в 1563 г. были поручителями по князе А. И. Воротынском.

¹⁵ Десятни XVI–XVII вв. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1891. Кн. 8. Отд. 3. С. 3–6, 9, 28, 29, 34, 35, 42.

¹⁶ Станиславский А. Л. Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. // АЕ за 1972 г. М., 1974. С. 295, 299. Комынины, возможно, служили по выпущенному в ДТ Серпейску.

¹⁷ Десятни XVI–XVII вв. С. 9, 16.

¹⁸ Станиславский А. Л. Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. С. 296, 299.

фиксирует среди городских князей А. М. и С. Г. Мещерских, И. Н. Щепотева, С. В. Ильина. В Смоленске среди городских в десятне 1606 г. служил П. Истомин Монастырев, известный Можайской рубрике ДТ¹⁹.

Близкие родственники всех этих лиц продолжали числиться дворовыми, то есть «отбраковка» имела личный, а не пофамильный и даже не семейный характер.

Резонным кажется предположение, что процесс ротации состава Государева двора, появление в нем новых лиц и фамилий и одновременно потеря «дворового» статуса некоторыми его членами активно шли уже в 1550-е годы, а многие зафиксированные в ДТ лица сами в недавнем прошлом служили с «городом». Это предположение кажется тем более оправданным, что прослойка выборных дворян, появление которой было инициировано проведением тысячной реформы, далеко не сразу утвердилась в своих позициях. Сама эта реформа не была реализована в том виде, как это было задумано московским правительством. В Тысячной книге в отличие от ДТ нет текущих помет, это свидетельствует о том, что данный источник не использовался в делопроизводственной практике.

«Выбор» первоначально имел черты кратковременных и нерегулярных назначений, а сами выборные дворяне продолжали оставаться в составе своих корпораций в качестве дворовых или городских детей боярских. Их состав мог подвергаться значительному варьированию. Пометы «в выборе» в тексте каширской десятни 1556 г. стояли возле имен дворового Г. Злобина Петрова и городского И. И. Алексеева Уварова. Долгое время, соответственно, дворовые продолжали сохранять положение кадрового резерва Государева двора, что отразилось, в частности, в появлении этой категории в ряде новых корпораций. Закрепление позиций выборных дворян из числа бывших городских в верхушке родных для них корпораций происходило, как это было показано выше, через проникновение их самих и их детей в ряды дворовых детей боярских.

Сравнение ДТ и каширской десятни 1556 г. свидетельствует о том, что привилегированный, дворовый статус уже в это время не был личным достоянием того или иного служилого человека и мог быть пересмотрен при его переселении в другую корпорацию. Среди городских детей боярских в десятне были записаны В. Г. Есипов и Ф. П. Бахтин. Оба они фигурировали ранее среди дворовых. В. Г. Есипов служил вместе со своим отцом и братьями по Коломне, а затем был переведен в Каширу, в то время как Ф. П. Бахтин был одним из малоярославецких детей боярских [Павлов, с. 87]²⁰.

Следы «отбраковки» видны в ДТ и вне зависимости от переводов в другие корпорации. В рубрике «Бежецкий Верх» возле имени А. А. Плишкина сохранилась красноречивая помета: «Отставлен. Служит с городом». Другие пометы показывают причины подобных «отбравок». Возле имени Угрима Хлуденева было написано: «Угрим болен и глуп — бес поместья». Князь И. А. Шелешпанский находился в холопах, а А. Ф. Путятин «помечен в разбое»²¹.

С другой стороны, отрывок новгородской десятни 1556 г. свидетельствует о возвращении в число дворовых Бухары Хвостова «под именем его написано в двор» [Лихачев, Мятлев, с. 239].

Немногочисленность и отрывочность сохранившегося комплекса десятен делают необходимым привлечение других методов реконструкции. Обнаружить принадлежность служилых людей к прослойке городских детей боярских в большинстве примеров можно методом «от противного», исходя из наличия или отсутствия их самих и их ближайших родственников в ДТ, разрядных и придворных назначений и фактов получения кормления их предками и близкими родственниками.

¹⁹ Десятни XVI–XVII вв. С. 164; Десятня 7114 года по Смоленску // Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 371.

²⁰ КД. С. 32, 41; ТКДТ. С. 161, 163, 208. А. П. Павлов считал, что В. Г. Есипов мог быть приписан к каширской рубрике ДТ.

²¹ ТКДТ. С. 139, 147, 153, 204.

Подобная методика оказывается достаточно эффективной, когда рассматриваются поздние примеры включения бывших городских в состав двора.

Особенностью ДТ, давно отмеченной исследователями, является расположение в ней имен внутри отдельных территориальных рубрик по родственному принципу. За исключением новиков, приписываемых к основному тексту (как правило, в конце каждого списка), имена детей боярских записывались большими группами, в соответствии с семейным и фамильным старшинством. Как правило, новые члены дворовых субкорпораций не имели в них «поддержки» со стороны родственников и однофамильцев. В качестве примера можно назвать «нововыезжих» М. И. Черноморского, К. И. Есипова, В. Г. Зюзина, князя М. Свирского, М. и П. Т. Львовых. За исключением князя М. Свирского все они были записаны в самом конце отдельных рубрик²².

Та же закономерность продолжает распространяться на недавних выходцев из городских, помещенных в текст ДТ, хотя в этом случае необходимо проявлять известную осторожность. Соблазнительно, например, было бы рассматривать в качестве недавнего городского Василия Федорова Палицына, одного из каширских детей боярских. Других Палицыных среди дворовых не было, а сами представители этой фамилии не могли похвастаться какими-то достижениями на служебном поприще. Тем не менее это предположение нуждается в более серьезной аргументации. Он, скорее всего, был сыном Федора Леонтьева и, соответственно, племянником Ивана Леонтьева Палицына, упомянутого в списке детей боярских, которые в 1495 г. провожали великую княжну Елену [Савосичев, с. 411]²³. То есть он мог быть единственным представителем своей линии, отобранной в состав Государева двора еще в конце XV в.

По Волоку Ламскому был записан Суторма Федоров Веревкин, единственный представитель своей фамилии в этом источнике. Его вероятными братьями были Злоба и Русин Федоровы Веревкины, которые в 1553–1554 г., то есть уже к моменту начала составления ДТ, находились на службе в Казани [Каштанов, 1973, с. 22, 26]²⁴. Их отсутствие в списке дворовых свидетельствует о том, что представители этой фамилии, скорее всего, служили с «городом».

Из тверских землевладельцев происходил Иван Иванов Хомутов. Дозорная книга Тверского уезда 1551–1554 г. знает его самого и нескольких его близких родственников, совладельцев общей вотчины. Среди них был в том числе и его родной брат Никита, который «службу служит великому князю»²⁵.

В рубрике «Тверь» присутствовал также Григорей Юрьев Теприцкий. Кроме него тверскими помещиками 1550-х годов (пожалования 1480-х годов при Иване Ивановиче Молодом) были Верига Рунов, Жиня Дмитриев и Лиховид Семенов Теприцкие²⁶.

По Рязани служил Мурин Медведев Мокринский. Его брат Таршир и племянники встречаются в одном из поземельных актов. Многочисленные другие Мокринские владели в это время вотчинами и поместьями на территории Рязанского уезда²⁷.

Характер приписки к основной рубрике имело имя Филиппа Степанова Стрешнева (после новиков и литвы дворовой). Реликтовый слой писцовой книги Можайского уезда, восходящий к 1540-м годам, упоминает большое число Стрешневых²⁸.

Часть этих приписок могла достаться ДТ от предшествовавших ей списков дворовых, в частности от «дворовой книги» 1537–1538 г., существование которой отразилось в нескольких дворянских родословных росписях, а также в преамбулах некоторых списков этого документа.

²² Там же. С. 164, 195, 198, 208. В тексте рязанской рубрики не был выделен «литвин» Онуфрий Лашинский.

²³ Там же. С. 163; Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 164. В родословной Палицыных отсутствуют.

²⁴ ТКДТ. С. 179. Злоба Федоров ранее известен как послух в Волоцком уезде (АФЭХ. М., 1956. Ч. 2. С. 140).

²⁵ ТКДТ. С. 197; Писцовые материалы Тверского уезда XVI века (далее – ПМТУ). М., 2005. С. 216.

²⁶ ТКДТ. С. 196; ПМТУ. С. 236, 277, 301, 302.

²⁷ ТКДТ. С. 167; Антонов А. В. Вновь открытые рязанские акты XVI – начала XVII века // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 242.

²⁸ ТКДТ. С. 187; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 1060–1069.

Более отдаленное родство между дворовыми и известными из других источников их однофамильцами 1550-х годов свидетельствует о проведении отборов личного состава Государева двора, осуществленных в предшествующие десятилетия.

С. И. Сметанина обратила внимание на отсутствие в ДТ Петра Матвеева Каракадымова Таптыкова, который в 1547 г. вместе со своими дядьями, дворовыми по Рязани Анисимом Булгаком и Иваном Темешем Андреевыми, получил грамоту на поместье, а в 1557 г. упоминался вместе с ними же в судебном деле [Сметанина, с. 68]. Материалы этого судебного дела показывают, что все Каракадымовы Таптыковы несли государеву службу, но, очевидно, по разным спискам²⁹.

Изучение родословной волоцких землевладельцев Мечовых показывает, что в ДТ были отражены две ветви этой фамилии. Выпущенной оказалась линия Шемяки Андреева, хотя последний в 1550-е годы определенно продолжал свою службу и в 1553–1554 г. находился на службе в Казани [Чернов, с. 188–190; Каштанов, 1973, с. 28]³⁰. Недостаток данных не позволяет определить время этой «отбраковки», которая могла затронуть либо самого Шемяку, либо уже его отца.

Каширская десятина 1556 г. показывает, что подавляющее большинство Писаревых (11 человек) находилось в это время на положении детей боярских. Дворовым был только один представитель этой фамилии — Иванча Леонтьев. Было бы неверно, однако, считать его выходцем из городских. На самом деле, видимо, имел место обратный процесс, связанный с потерей другими ветвями привилегированного статуса. Писаревы вели происхождение от Сенки Писаря, жившего в середине XV в., и за прошедшее столетие не успели сильно разойтись в своем родстве. В первые десятилетия XVI в. кормленщиками были сыновья С. Писаря Федор, Брюхо и Иван, так что, вероятно, все они служили в составе Государева двора. В 1538 г. письмо великого князя было адресовано Леве Иванову Писареву, который в это время определенно служил в составе Государева двора. Именно его сын Иванча был отмечен в каширской рубрике ДТ. Остальные Писаревы, потомки Захара и Никиты Семеновых, выбыли из этой привилегированной корпорации³¹.

Среди галичан Писемских в составе Государева двора была представлена только ветвь Ивана Васильева. В 1482 г. он ездил с наказом к воеводам в Нижний Новгород, а в 1495 г. был среди детей боярских, провожавших великую княжну Елену. Его сын Андрей описывал Нерехту. В 1546 г. он был назван стряпчим [Назаров, с. 55]³². В ДТ, соответственно, были записаны Федор, Алексей и Иван Андреевы Писемские. Сопоставление актовых материалов с родословной памятью показывает, что в 1550-е годы жили и другие Писемские³³. В частности, в 1551 г. в духовной Григория Кунана Андреева Писемского упоминается его племянник, двоюродный брат Федора, Алексея и Ивана, Никита Иванов Писемский [Каштанов, 1979, с. 54]. Позднее он известен как костромской вотчинник. Он определенно находился на службе, и в 1568 г. после взятия Костромы в опричнину был пожалован поместьем в Деревской пятине³⁴. Можно предположить, что уже братья А. И. Писемского были отстранены от дворовой службы.

---

²⁹ АСЗ. Т. 1. № 276–277. С. 249–263.

³⁰ ТКДТ. С. 178.

³¹ КД. С. 30–33, 38, 42; ТКДТ. С. 161; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 70–72. С. 105–107; АСЗ. Т. 1. № 212–213. С. 180–181; РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 870. Л. 443–444 об.

³² Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 25; Сб. РИО. Т. 35. С. 164. А. И. Писемский, возможно, был также кормленщиком на Вологде.

³³ ТКДТ. С. 162; АСЗ. Т. 1. № 318. С. 321–322 (версия князя Ф. Хворостинина). Эта родословная память имеет ряд неточностей. Григорий Кунан в ней показан внуком Бориса Юрьева Писемского. В действительности его дедом был Юрий Писемский. У Ивана Васильева Писемского не был отмечен сын Михаил, встречающийся вместе с братом Андреем в одном из поземельных актов.

³⁴ Антонов А. В. Костромские монастыри в документах XVI — начала XVII века // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 83; Козляков В. Н. Новый документ об опричных переселениях // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 209. В 1558 г. в ливонский плен попал какой-то Федор Писемский. Это, вероятно, Федор Васильев Писемский, известный из духовной Кунана.

Кроме этой ветви существовали и другие Писемские, не учтенные в родословной памяти. Не случайно на родство с ними претендовал в середине XVII в. И. П. Писемский, происходивший от костромского вотчинника Сахара Писемского, земли которого были конфискованы в опричнину [Садиков, с. 118, 139]. Эти Писемские были «отбракованы» в более ранние десятилетия³⁵.

В 1550-е годы существовало несколько ветвей Козловских. Все они происходили от Тимофея Козловского, жившего где-то на рубеже XV–XVI столетий. Вся эта семья была связана с удельной службой. Братья Никита, Микула и Тимофей Михайловы владели вотчиной в Рузском уезде. Микула, вероятно, находился на службе у Юрия Дмитровского. Никита ранее был известен также как кормленщик Дмитрия Углицкого, что косвенно подтверждает его дворовый статус³⁶. В конце 1530-х годов, уже после исчезновения этих уделов, поместья в Тверском уезде принадлежали Василию Никитину и его сыну Семену. В 1550-е годы Василий и Меньшик Семеновы Козловские были отмечены в Тысячной книге и в ДТ по Твери³⁷. В это же время, однако, в источниках продолжают встречаться имена их родственников. Рузским вотчинником и помещиком были Иван Тимофеев и его сын Иван Козловские. В Звенигородском уезде известен был Владимир Васильев Микулин Козловский. Находясь на службе у Симеона Касаевича, он довольствовался окладом в 50 четвертей (фактически ему принадлежало всего 10 четвертей), который соответствовал низшему разряду городских детей боярских этого царя³⁸.

Очень вероятно, что родственниками Семена Федорова Киселева, наследника нескольких поколений видных служилых людей, были муромцы Киселевы. Большая группа представителей этой фамилии погибла во время взятия Казани. Степан Федоров Киселев в десятне 1578 г. числился как городской³⁹. Возможно, они вели происхождение от И. Г. Киселева, боярина Дмитрия Шемяки.

«Лишние» люди, неизвестные ДТ, обнаруживаются также среди владимирцев Нармацких⁴⁰ и Кайсаровых⁴¹, тверичей Ломаковых⁴², Епишевых⁴³ и Изъединовых⁴⁴, кашинцев Спешневых⁴⁵,

³⁵ АСЗ. Т. 1. № 214. С. 181–182; № 318. С. 317–322. В свите Елены Ивановны находился еще какой-то Иван Вилай Писемский.

³⁶ АФЗХ. Ч. 2. № 37. С. 39; Акты Русского государства 1505 – 1526 гг. М., 1975. № 145. С. 141. Василию Микулину принадлежало поместье в Звенигородском уезде, входившем в Дмитровский удел (Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. (далее – ЗПК) // Материалы для истории Звенигородского края. М., 1992. Вып. 1. С. 90–91); АСЗ. Т. 1. № 74. С. 60. Поместная грамота тверского помещика С. В. Козловского находилась «на Углеце у племянника у его» (ПМТУ. С. 185).

³⁷ ПМТУ. С. 30–31, 120–121, 124, 125. В. Н. Козловский продолжал служить в начале 1550-х годов (ТКДТ. С. 198). В Тысячной книге братья были ошибочно записаны как Кузьминские.

³⁸ АФЗХ. Ч. 2. № 299. С. 310, 126; Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг. // Материалы для истории Звенигородского края. М., 1997. Вып. 4. С. 42, 47, 86, 128–129, 116; ЗПК. С. 90–91.

³⁹ Антонов А. В. Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 183; Кротов Я. Десятни 1556–1622 гг. URL: http://www.krotov.info/yakov/5_russia_moi/17_ru_moi/desyatni/15780702.html (дата обращения: 20.12.2016).

⁴⁰ Андрей Константинов Нармацкий (Кистерев С. Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI – начала XVII века // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 108). В начале 1560-х годов группа Нармацких (Шарап, Яньш, Дружина Федоровы Нармацкие, Семейка Дмитриев) получила поместье в Казанском уезде (Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–68 годов. Казань, 2006. С. 288).

⁴¹ Казанскими помещиками стали Степан Михайлов Кайсаров и его дети Иван и Сусло (Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–68 годов. С. 252–254).

⁴² В тверской писцовой книге 1551–1554 г. упоминались Константин Андреев, Василий Афонасьев, Петр, Матвей, Константин, Нечай, Осип, Истома Никитины Ломаковы. Все они находились на государственной службе (ПМТУ. С. 145, 159, 216, 224).

⁴³ Истома Григорьев и Проня Семенов Епишевы. Оба – «служат царю и великому князю» (ПМТУ. С. 301).

⁴⁴ Григорий Иванов Усов, Григорий и Иван Андреевы Кусковы Изъединовы. Их братья были упомянуты в ДТ. Они были совладельцами поместий еще в конце 1530-х годов, так что их отсутствие в ДТ нельзя объяснить молодостью (ПМТУ. С. 62, 298–299).

⁴⁵ Русин Курапов и его сын Петр, Федор Романов Спешневы (Акты Троицкого Калязина монастыря. М.; СПб., 2007. № 126. С. 132; № 129. С. 136; № 130. С. 137; Антонов А. В. Описание грамот Коллегии экономии. М., 2016. Т. 1: А–И. С. 259).

дмитровцев Рыбиных и Бреховых⁴⁶, костромичей Путиловых⁴⁷, вязьмичей Хитрово [Каштанов, 1973, с. 24, 28, 30]⁴⁸, Кикиных⁴⁹ и Болотниковых⁵⁰, переславцев Ярцевых и Курцевых⁵¹.

При отсутствии родственников и однофамильцев в ДТ следы «отбраковки» проявляются при сопоставлении источников середины XVI в. с родословными росписями.

В актах Юрьевского уезда неоднократно упоминаются вотчинники Ананьины. Все они были потомками Анании Петровича, конюшего великой княгини Марии Ярославовны, из рода Федора Бяконта. Характерно, что все юрьевские Ананьины отсутствовали в родословной росписи и не были представлены в ДТ⁵².

Выпущенными в родословной росписи оказались и многие Хвостовы. В 1550-е годы в Суздальском уезде действовал губной староста Никита Яковлев Хвостов и его племянник Юрий Васильев. Они происходили от не названного в родословной росписи брата Афанасия Прокофьева Хвостова Якова⁵³. Интересно отметить, что их родственники Хвостовы, переселенные на новгородские поместья, в середине XVI в. служили среди городских детей боярских. Очень вероятно, что потеря «дворового» статуса произошла еще у их общего предка — Алексея Юрьева Хвостова, жившего во второй половине XV в. [Лихачев, Мятлев, с. 239; Бенцианов, 2013, с. 38].

В конце XV в. Государев двор находился в стадии своего формирования, во многом сохраняя характер личного двора Ивана III. В его составе были представлены лица, не отличавшиеся знатным происхождением и зачастую не имевшие военного или управленческого опыта. Одним из детей боярских в свите великого князя во время новгородского похода «миром» 1495 г. был Иван Спасителев (Сальвадор). Из летописного рассказа становится известно, что прежде он был «каплан белых чернцов Айгустинова закона арганый игрец». Впоследствии он стал основателем дворян Спасителевых, служивших в составе Государева двора [Бенцианов, 2016, с. 40].

Многие из новых членов двора оказались здесь случайно и в дальнейшем не смогли удержаться в его составе. Состояние источников, к сожалению, как правило, не позволяет выяснить прямую родственную связь между ними и их однофамильцами, жившими несколькими десятилетиями позднее, оставляя вероятность совпадения фамилий и исчезновения собственно дворовых линий.

В ДТ отсутствовали Агрофенины, Владыкины, Зверевы, Коробьины (ростовцы), Болтины, Кропотовы, Малечкины, Одершины, Перхушковы, Песенниковы, Пикины, Руновы, Суковы, Щулепниковы, Языковы⁵⁴. Часть этих фамилий продолжила службу в Новгородской земле и

---

⁴⁶ Иван Истомина и Иван Семенов Рыбины, Семен Иванов Брехов (*Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1912. Вып. 3. С. 40, 54).

⁴⁷ Иван, Василий, Федор Семеновы Путиловы (*Антонов А. В.* Костромские монастыри в документах XVI — начала XVII века. С. 84, 89).

⁴⁸ Андрей Федоров Хитрово купил у Гаврилы Васильева Хитрово двор в Казани.

⁴⁹ В родословной росписи Кикиных отсутствуют Китай и Матвей Кикины и сын Китая Фурс, владевшие помещьем в Вяземском уезде (Писцовые книги Московского государства XVI века. СПб., 1887. Ч. 1. Отд. 2. С. 774, 776; *Баранов К. В.* Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV — начала XVII века // *РД.* М., 1998. Вып. 4. С. 33).

⁵⁰ Часть вязьмичей Болотниковых, родственников дворовых, живших в 1550-е годы, отсутствовала в ДТ — Бурец Иванов и Андрей Кауров (Писцовые книги Московского государства XVI века. Ч. 1. Отд. 2. С. 617, 632, 638, 751, 783, 785; ЗПК. С. 93—95; Акты Троицкого Калязина монастыря. № 68. С. 70—71).

⁵¹ Архип Васильев Салтан Ярцев (*Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1917. Вып. 4. С. 253—254). Брат переславского вотчинника Ивана Иванова Калиты Курцева Иван Ушак был записан в ДТ по Москве (*Антонов А. В.* Акты Переславских монастырей XIV — XVII вв. № 72 // *РД.* М., 1997. Вып. 1. С. 56; ТКДТ. С. 127).

⁵² АСЗ. Т. 1. № 7—14. С. 14—19, 325.

⁵³ С. Б. Веселовский ошибочно считал их Пыжовыми-Хвостовыми [Веселовский, 1963, с. 465]. АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 490. С. 530; *Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии. М., 2002. Вып. 5. С. 42, 43; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. М., 1998. № 34. С. 87, 89; № 99. С. 226; № 110. С. 241. В родословной отсутствуют также упомянутые в ДТ по Суздалию пятеро Дмитриевых Хвостовых.

⁵⁴ Потомки и ближайшие родственники Бундо Языкова, из свиты великой княжны Елены, возможно, служили по Нижнему Новгороду, где отсутствовала категория дворовых. В этой фамилии позднее были воспроизведены бытовавшие в конце XV в. прозвища — Бундан (Бундо) и Рюма.

в соседних уездах Северо-Запада⁵⁵, линии других детей боярских Ивана III могли пресечься к середине XVI в., не оставив мужского потомства.

В некоторых случаях, однако, удается доказать, что их отсутствие в дворовых списках было вызвано последующим понижением статуса. Юшка Никифоров Владыкин в 1500 г. был одним из детей боярских на свадьбе дочери великого князя Феодосии с князем В. Д. Холмским. Его имя часто встречалось в поземельных актах Суздальского уезда. Здесь же в последующие десятилетия известны были его сыновья Дмитрий, Никита и Пятой. В 1550-е годы из потомков Ю. Н. Владыкина действовали Богдан Пятого, Смирый и Владимир Дмитриевы Владыкины. К этой же семье, скорее всего, принадлежали Борис Невзоров и Никула Третьяков Владыкины⁵⁶. Никто из Владыкиных не был замечен в служебном отношении, и пропуск их имен в ДТ выглядит вполне закономерно.

Изучение состава «литвы дворовой», корпорации, созданной во втором десятилетии XVI в. и позднее обраставшей новыми именами, показывает, что в число дворовых, наоборот, могли попадать лица, которые не отличались знатностью происхождения. По Можайску служил Яков Исаков Новокрещеный. Писцовая книга Можайского уезда знает его под фамилией Жидовинов, которая обозначала его происхождение из крещеных евреев⁵⁷.

Очень часто в разных уездах в 1550-е годы представители одних и тех же фамилий могли обладать разным статусом. Судя по ДТ, значительную часть сведений о потенциале того или иного лица делопроизводители получали со слов его сослуживцев⁵⁸, что, безусловно, усиливало значение внутрикорпоративных связей. В новосозданных корпорациях, где формировались собственные группы дворовых, очевидно, было проще войти в их состав, учитывая отсутствие в них традиций и сложившейся системы взаимоотношений между служилыми людьми. Из переславцев Баскаковых в ДТ была отмечена только ветвь Леонтия Семенова, владевшая поместьями в Вяземском и Дорогобужском уездах⁵⁹. Дворовыми лишь по Вязьме были звенигородские вотчинники Болотниковы⁶⁰. В каширской корпорации Хрущовы были городовыми, в соседней тульской — дворовыми⁶¹.

Преамбулы ранних десятин точно отражают порядок проведения смотров, во время которых происходило распределение местных служилых людей по группам: «сыскивая их по их отечеству и по службе».

Очевидно, что процесс ротации, процедура «перебора людишек», продолжался на протяжении всей первой половины XVI в. Вполне вероятно, что его активизация происходила в связи с периодическим обновлением общедворовых списков, когда в распоряжении у дьяков, ведавших учетом служилых людей, оказывались полные данные об имеющихся ресурсах.

Н. П. Лихачев в свое время обратил внимание на упоминание в нескольких дворянских родословных «дворовой книги» 1536/1537 г. [Лихачев, с. 442–444]. Эта дата встречается также в некоторых списках ДТ, которая, очевидно, составлялась на основе этого документа. Наиболее ранним отражением этой «дворовой книги», видимо, был список детей боярских 1542 г., «которые в думе не живут». Сравнение списка 1542 г. с ДТ показывает сходство этих источников. В обоих

⁵⁵ Коробьины, Болтины, Пикины, Суковы, Кропотовы.

⁵⁶ Свадебные разряды // Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 6. С. 37; АСЭИ. Т. 2. № 463. С. 501; № 483а. С. 524; № 491. С. 531; № 492. С. 534; № 493. С. 541; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. № 92. С. 210, 213; № 119. С. 249; № 133. С. 265.

⁵⁷ ТКДТ. С. 187; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 66 об., 111; Кн. 10816. Л. 388 об.

⁵⁸ «Осип в полону, Булгак ослеп — сказал Бажен Извольской», «Василей Александров сын дворецкого Левашева. В разбое Василей повешен — сказали Дей да Андрей Заборовские», «Ондрейко Федоров сын Ретькина. Умре, сказал Шемат Пашков» (ТКДТ. С. 165, 196, 207).

⁵⁹ ТКДТ. С. 190–192. Его вероятным братом был переславский вотчинник Шарап Семенов Баскаков.

⁶⁰ Там же. С. 190; ЗПК. С. 93–96.

⁶¹ КД. С. 42, 43; ТКДТ. С. 165–166.

в одинаковом порядке были перечислены рубрики «Москва», «Переславль», «Юрьев», «Волок Ламский», «Можайск», «Вязьма», «Тверь» («двор тверской»)⁶².

Территориальная структура в них была основана на одних и тех же принципах. Над созданием общего списка, очевидно, работало несколько отдельных комиссий, отвечавших за свою группу уездов. Каждый город описывался в зависимости от места, которое он занимал по дороге из Москвы. Нарушение отмеченной закономерности было связано с изменениями структуры Государева двора: добавлением или исчезновением некоторых рубрик. В ДТ, например, расположение в конце текста рубрик «Бежецкий Верх», «Углич», «Медынь» и «Ярославец» было обусловлено событиями, происходившими вокруг удела Юрия Васильевича, брата Ивана IV. Эти уезды были переданы ему в ведение в конце 1540-х годов, а затем вновь перешли под контроль центральной администрации. А. Л. Корзинин считал, что это событие имело место в 1560 г. [Корзинин, с. 154], однако собственный двор предполагалось выделить Юрию значительно раньше. В 1547 г. его дьяк Шестак Воронин подписывал подтвердительные грамоты. В 1548 г. разрядная книга называет на службе у него боярина князя Ф. А. Куракина, конюшего И. И. Умного Колычева, дворецкого С. И. Жулебина и нескольких дьяков⁶³.

Точно так же расположение в конце списка 1542 г. и, видимо, «дворовой книги» 1536/1537 г. Калуги, Дмитрова и Старицы могло быть вызвано более поздним включением обозначенных корпораций. Все эти города в недалеком прошлом были центрами удельных княжеств. Старицкое княжество было ликвидировано в 1537 г., в 1533 г. был «пойман» Юрий Дмитровский, еще ранее, в 1518 г., умер Семен Калужский. Характерно, что их запись в списке 1542 г. была сделана именно в нисходящем порядке. «Калуга» была названа перед «Дмитровом», а «Дмитров» перед «Старицей». Дворовые из этих корпораций, следовательно, были приписаны к основной массе детей боярских Государева двора.

Возможно, подобным образом обстояло дело и с тверичами. «Двор тверской» — архаичное определение — был помещен здесь непосредственно перед Калугой. По наблюдению Б. Н. Флоры, тверские бояре вошли в состав Государева двора только после 1509 г., а тверская канцелярия выдавала собственные кормленные грамоты [Флоря, 1975, с. 288; Антонов, с. 112–113].

«Дворовая книга» 1536/1537 г., таким образом, также содержала в себе приписки и, вероятно, сама опиралась на материалы более ранних списков дворовых детей боярских. Можно попытаться определить время создания предшествовавшего ей списка. В верхней части списка 1542 г. упоминался Волок Ламский. Этот город был центром удела Федора Волоцкого, после бездетной смерти которого в 1513 г. достался Василию III. С учетом нахождения «Калуги» в нижней части «дворовой книги» 1536/1537 г. и предположением о приписке этой рубрики можно полагать, что этот гипотетический источник был создан где-то во втором десятилетии XVI в.

От более раннего времени сохранилось еще две росписи дворовых со следами характерных для Государева двора элементов структуры. Это — росписи князей и детей боярских, составленные в связи с проходами в Литву великой княжны Елены и новгородским походом «миром» самого Ивана III. Обе эти росписи датируются 1495 г. и, скорее всего, также были созданы на основе какого-то более общего списка середины 1490-х годов⁶⁴.

Если предложенная цепь умозаключений является верной, то становится понятным, что обновление подобных списков инициировалось правительством с интервалом в 15–20 лет и имело достаточно регулярный характер.

Другой вопрос — эффективность предпринимаемых мер. Закрепление большого числа территорий, вошедших в состав Русского государства в конце XV — первой трети XVI в., шло

---

⁶² Сб. РИО. Т. 59. С. 147–148.

⁶³ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 115.

⁶⁴ Там же. С. 25–26; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 43–47; Сб. РИО. Т. 35. С. 163–164.

в том числе через включение представителей местной знати в состав Государева двора. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась после ликвидации Тверского и Рязанского княжеств, когда виднейшие из местных бояр получили признание своего высокого статуса. Отдельными группами во дворе служили недавние вассалы удельных князей и «литва дворовая». В рамках этой политики шли естественное увеличение численности Государева двора и потеря этой «корпорацией корпораций» роли личной гвардии великого князя. Наследственный характер службы, очевидные трудности «отбраковки» на местах в рамках сложившейся внутри отдельных уездных корпораций системы отношений вместе с неразвитостью и инерцией делопроизводственного аппарата в значительной степени нивелировали результаты проводимой ротации.

Практика записи имен в ДТ большими семейными гнездами, с припиской малолетних и недееспособных членов семей представляла очевидные проблемы для обработки. Это свидетельствует о ее составлении без проведения смотра, на основании «сказок», подаваемых самими служилыми людьми, с высокой вероятностью приписок и искажений. Вполне возможно, что подобная запись имен соответствовала сложившемуся характеру службы дворовых детей боярских, выступавших в походы большими родственными группами с коллективной ответственностью за явку и надлежащее снаряжение каждого из их членов [Бенцианов, 2016, с. 45–46].

При обилии имен, фигурировавших в ДТ, можно представить, с какими трудностями приходилось сталкиваться дьякам и подьячим при работе с этим документом, чтобы определить реальную фактическую годность того или иного сына боярского к несению службы. В дополнение к материалам ДТ для полноты текущей информации требовалось обязательное привлечение данных смотров [Веселовский, 1963, с. 89].

Если сравнивать запись имен в ДТ с современной ей каширской десятней 1556 г., то в последнем случае видны явные преимущества, основанные на характере фиксации личных служебных характеристик. При такой постановке вопроса значительно проще было оценить потенциал того или иного сына боярского и его место в ряду других служилых людей. Появление десятен и проведение регулярных смотров с частой периодичностью стали отличительной чертой 1550-х годов, заложив основу для более высоких темпов обновления состава Государева двора.

Разряд казанского похода 1549 г. показывает, что значительная часть дворовых выступала в поход вместе с городовыми детьми боярскими из своих уездов (юрьевцы, переславцы, волочане, алексинцы). Разряд полоцкого похода 1563 г. демонстрирует, что спустя 15 лет эта практика приобрела еще более широкое распространение [Курбатов, с. 226–227; Павлов, с. 98–100]⁶⁵. Тем самым делался шаг к слиянию этих групп в единое целое и формированию системы служилых «городов». С другой стороны, сами дворовые постепенно утрачивали свои позиции, а после появления выборных дворян начали играть второстепенную роль.

В заключение хотелось бы подчеркнуть отсутствие замкнутости Государева двора и наличие постоянных обновлений в его составе. Успешность той или иной фамилии, получение или сохранение за ними привилегированного статуса, во многом зависели от служебных качеств. При определенном стечении обстоятельств рядовые дети боярские еще до начала реформ Избранной Рады и жестоких потрясений опричнины могли подняться на вершину существующей иерархии чинов. Круг приближенных великого князя постоянно пополнялся за счет малознатных или вовсе хутородных выдвиженцев.

Подобная ситуация была распространена не только для XV в., когда еще только закладывались основы будущего устройства Государева двора в целом и Боярской Думы как его вершины в частности, но и в последующие десятилетия. При Василии III высокое положение занимал И. Ю. Шигона Поджогин, выходец из тверских землевладельцев, позднее

⁶⁵ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // РД. Вып. 10. С. 120–122, 125–128, 133–134. Значительная часть служилых людей этого разряда не была распределена на группы.

приписанных к старомосковскому боярскому роду Добрыньских. На пике карьеры он стал тверским дворецким. Вполне заслуженным было околичничество Ф. И. Карпова, который играл заметную роль в дипломатических переговорах в первой трети XVI в. В 1540-е годы возвысился Ф. И. Сукин, казначей с 1546 г., позднее околичничий⁶⁶. Сплоченной группой в Государевом дворе были представлены в середине века Курцевы, потомки рядовых переславских вотчинников, возвысившихся на дьяческом поприще. Наиболее выдающийся их представитель Н. А. Курцев был последовательно печатником, тверским дворецким, а затем и казначеем [Веселовский, 1975, с. 282–283; Савосичев, с. 282–285].

Взлет А. Ф. Адашева был предопределен долгой плодотворной службой его отца, добившегося в 1548 г. назначения углицким дворецким, а затем ставшего околичничим. Более знатное происхождение имел А. А. Квашнин, но и его фамилия была вытеснена из Боярской Думы еще в начале прошедшего столетия.

Этот процесс получил логическое продолжение и был значительно активизирован в 1550-е годы, а затем и в годы опричнины и особого двора Ивана Грозного. Так или иначе, но на протяжении всего XVI в. попадание в состав Государева двора, а в принципе, и вхождение в Боярскую Думу были вполне достижимой целью для рядовых детей боярских. Ощущение статичности и замкнутости Государева двора возникает при рассмотрении его состава лишь в короткие промежутки времени, которые перемежались эпизодами радикального обновления его состава в предшествующие или последующие десятилетия.

Литература

- Антонов А. В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV — середины XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 91–155.
- Баранов К. В. Проблемы изучения Дворовой тетради // Государев двор в истории России XV–XVII столетий. Владимир, 2006. С. 164–166.
- Бенцшианов М. М. Государев двор и территориальные корпорации служивых людей Русского государства в конце XV — середине XVI в. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
- Бенцшианов М. М. Новгородские источники Тысячной книги 1550 г.: опыт ретроспективного анализа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 34–48.
- Бенцшианов М. М. Родовая общность в среде московского боярства в конце XV — первой половине XVI в. // Грани русского Средневековья: Сб. статей к 90-летию Ю. Г. Алексеева. М., 2016. С. 33–46.
- Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
- Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.
- Зимин А. А. Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. и формирование состава Боярской Думы и дворцовых учреждений // ВИД. Л., 1981. Вып. 12. С. 28–41.
- Кашианов С. М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае // Из истории Татарии. Ученые записки Казанского ПедГУ. Казань, 1973. Вып. 116. С. 3–35.
- Кашианов С. М. По следам троичских копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 г. и архив Троице-Сергиева монастыря) // Записки Отдела рукописей ГБ СССР им. В. И. Ленина. М., 1979. Вып. 40. С. 41–58.
- Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). СПб., 2016.
- Курбатов О. А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. С. 196–227.
- Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования. СПб., 1888.
- Лихачев Н. П., Мятлев Н. В. Тысячная книга 7059 — 1550 г. Орел, 2015.

---

⁶⁶ В позднейших генеалогических пасквилях его возвышение ошибочно приписывали братьям Ццелкаловым, а позднее злоупотреблениям при сборе податей (Местнический справочник XVII века. Вильна, 1910. С. 66).

- Назаров В. Д. О структуре Государева двора в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 40–54.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.
- Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013.
- Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.
- Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.
- Сметанина С. И. Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 49–80.
- Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.
- Флоря Б. Н. Несколько замечаний о Дворовой тетради как историческом источнике // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 43–57.
- Флоря Б. Н. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 281–290.
- Чернов С. Э. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.